

Позиция актера

Впервые о Станиславе Любшине заговорили после дипломного спектакля в Щепкинском театральном училище — «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, где он великолепно исполнил роль Сиплого. Этот успех дал ему возможность выбирать из 27 театров, приславших приглашения, и Любшин выбрал «Современник». Прекрасный актерский ансамбль, режиссерская индивидуальность Олега Ефремова, остропроблемная современная драматургия — вот что формировало личность молодого актера за четыре года работы в театре. Затем пришло кино. И здесь ему опять сопутствовала удача. Если в театре он встретил Олега Ефремова, то его первым режиссером на съемочной площадке был Марлен Хуциев — индивидуальность не менее яркая, художник ни на кого не похожий.

Рассказ о своей биографии киноактера Любшин начинает с фильма «Мне двадцать лет».

— Я очень люблю этот фильм и люблю людей, которые его снимали. Марлен Хуциев — удивительный художник и редкий человек. По-моему, он один из крупнейших кинорежиссеров современности и в то же время один из наиболее скромных и деликатнейших людей, которых мне доводилось встречать. Он один из немногих наших мастеров кино, работающих в сфере социального кинематографа, его глубоко волнуют проблемы, которыми живет человек сегодняшнего дня. Хуциев, как нинто, умеет отражать в кино сложнейшие жизненные процессы, давая их через призму, на первый взгляд, незначительных, бытовых событий и деталей. Так и мой герой — долговязый, застенчивый молодой экскаваторщик Славка, первый из трех друзей обзаведшийся семьей, показан в фильме в своем вроде бы чисто бытовом разладе между обязанностями главы семьи и стремлением сохранить остатки «мужской свободы». То угнетенный настолько, что даже о любимом футболе размышляет не вслух, а про себя, то вдруг взрывающийся трагикомическим протестом («Все, в Магадан уеду!»), Славка волновал режиссера не только и не столько своим сегодняшним днем. Его больше беспокоила реально нависшая над хорошим парнем перспектива довольно быстрого омещения.

Уже с первых же ролей Станислава Любшина стало ясно, что он оказался необычайно созвучным сегодняшнему кинематографу. Его герои, которым актер дал свою мягкость, удивительную улыбку и выразительный взгляд, всегда немножко обращенный внутрь, необыкновенно привлекательны.

Когда режиссер В. Басов приступил к экранизации романа Кожевникова «Щит и меч», на страницах которого совершает подвиги мужественный советский разведчик Белов, никто не мог предположить, что исполнителем этой роли станет Станислав Любшин. Роман, снабженный богатой документальной информацией, был неубедителен психологическими характеристиками своих персонажей. В четырехсерийном фильме эти недостатки, естественно, не изгладились, а скорее усилились, и, весьма возможно, что при другом исполнителе фильм был бы еще одним заурадным приключенческим фильмом. И вот здесь-то те качества героев Любшина, которые поначалу казались мало совместимыми с образом разведчика, во многом определили необычайный успех фильма. Они очеловечили, одухотворили образ, на котором сосредоточено внимание зрителя в течение многих экранных часов. Белов—Вайс в исполнении Любшина интересен сам по себе, вне зависимости от сюжетных хитросплетений, местами довольно слабо оправданных. Любшин играет не супермена, а человека, сосредоточившего все свои духовные силы на большой цели, и правда этого характера намного выше и значительней событийного правдоподобия.

Фильм принес актеру огромную популярность и любовь зрителей. Читатели «Советского экрана» назвали Любшина лучшим актером 1968 года. На каждой встрече самое большое число вопросов было об этой работе.

— «Щит и меч» — это для меня более года напряженнейшей работы. Мы снимали почти каждый день по много часов, но, конечно, главное было не физическое, а огромное нервное напряжение. Для меня при подготовке к роли важно как можно больше узнать о своем герое, понять его внутреннее состояние. Я люблю в картине все выполнять сам, поэтому учился управлять машинами, экскаватором и т. д. Даже когда в фильме «Конец света» мне пришлось играть роль священни-

ка, я ходил по церквам, знакомился со священниками, пытался понять их. Но как быть с разведчиком? Ведь за ним не пойдешь, не посмотришь, как он «работает». Поэтому я старался во внешнем поведении Вайса—Белова передать то, что казалось логичным: меньше говорить, больше слушать и наблюдать, больше думать.

Мне многое не нравилось в романе, в частности, диалоги, но меня необычайно привлекала возможность создать образ человека, борющегося против фашизма. По-моему, нет ничего более значительного и в наши дни, как борьба с проявлениями фашистской идеологии, и в этом плане образ Белова—Вайса, конечно, героический образ.

Я не люблю и не понимаю выражения «положительный герой», уже в самом этом определении есть готовый штамп, не живой человек, а модель человека. Наверное, несколько персонаж произведения прогрессивен, насколько он близок к нравственному идеалу, настолько он современный герой. А сами герои, их характеры могут да и должны быть самыми разными, даже и очень не похожими на традиционные представления о героических личностях. Вот таков комиссар из последнего моего фильма «Красная площадь».

Вообще современный кинематограф давно уже опроверг многие традиционные представления, но часть зрителей еще в плену у них.

Меня часто спрашивают, почему я не играю и могу ли играть роли, связанные с перевоплощением. Но перевоплощение — это не значит изменение внешности. В современном кино актера более всего привлекает возможность думать, и лучшие наши актеры — это актеры размышляющие. Перевоплощение — это когда актер умеет проникнуть в психологию другого человека и выразить на экране его внутренний мир.

Любшин много и охотно, гораздо охотней, чем о себе, говорит о людях, с которыми ему приходилось работать вместе — писателе Василие Быкове, режиссере Василии Ордынском, актере Евгении Урбанском и многих других, и в этих характеристиках поражает умение видеть в людях прекрасное.

— Мне нравятся люди, которые сохраняют верность нравственным принципам, своему слову, люди, которые могут заступаться за слабого, сопереживать чужим страданиям, делать добро.

Эта человеческая позиция Станислава Любшина является и его актерской позицией. Кем бы и какими бы ни были его экранные герои, через отношение к ним всегда будет проявляться авторская гражданская позиция актера — обеспокоенность за человеческие судьбы, борьба за добро.

О. БАЛТАУСЕ

Фото Ю. ГЛАГОЛЕВА